

На обороте обложки чёрно-го томика «Наталья Горбачевская. Русско-русский разговор. Избранные стихотворения. Поэма без поэмы. Новая книга стихов» приклеен бумажный прямоуголь-

ник. Надпись: «Юре Крохину. В Париже, у меня дома. 1998, 8 апреля». И подпись. А «...Разговор» выпущен издательством ОГИ... в 2002 г. Даты не совпадают? Видимо, тогда, в 98-м, Наталье Евгеньевне — она

предпочитала, чтобы её и в почтенные годы называли Наташей — не удалось найти у себя достаточно представительное издание, чтобы подарить московскому гостю. И она на нескольких таких прямоугольничках сделала, как нынче говорят, инскрипты. Мол, наклеишь на мои книжки в Москве... К сожалению, в тот первый приезд мой в Париж мы не успели толком поговорить. Через год встретились вновь — снимали Наташу в парижском парке Жоржа Брассенса для телевизионного фильма «Дуэль Вадима Делоне». В 2001-м, опять же в Париже, она рассказывала о дружбе с героиней другой моей книги, Фатимой Салкановой. А о себе — буквально ни слова. И вот теперь, спустя годы после её кончины, перечитываю её стихи, прозу, переводы и горько сожалею, что уже не смогу обстоятельно, без помех потолковать с Наташей...

Весна 98-го в Париже выдалась чудесной, — так показалось мне,

прилетевшему из сырой и холодной Москвы. Немного беспокоило, как быть здесь, не зная ни слова по-французски, но я верил, что как-то всё образуется. Ведь меня пригласила редакция газеты «Русская мысль», стало быть, побеспокоятся о приезде... Дело в том, что дискету с текстом готовой, как тогда казалось, книги о поэте и правозащитнике Вадиме Делоне я передал находившейся в Москве Ирине Алексеевне Иловайской, редактору старейшей эмигрантской газеты. И то, что поработать с моим текстом она поручила Наталье Евгеньевне Горбаневской, было не случайным везением. Великий редактор, как назвала её Людмила Улицкая, Горбаневская стала подельницей Вадима Делоне после знаменитой демонстрации 25 августа 1968 г. Я уже прочитал её книгу «Полдень» — хронику выхода семейных на Красную площадь, репортаж из «открытого суда за закрытыми дверями». «Мы как-то все друг-друга «встречали»: то они (Вадим и Ирина. — Ю.К.), «старожилы», встречали меня в Вене, то я — уже чуть ли не два месяца парижанка (хоть и жила в предместье) — водила их по Парижу, то они стали настоящими парижанами, жителями бульвара Сен-Мишель, а я только-только перебиралась по-настоящему в Париж из своих крестейских Черёмушек. В Вене Вадим подружился с моим младшим сыном — это было то же самое чувство: «ближе брата». Иначе, как «подельничек», он Оську никогда не называл...» — вспоминала Горбаневская. Именно Наташа добивалась

разрешения похоронить Вадима на «русском кладбище» в Сен-Женевьев де Буа, да так и не сумела убедить мэра-коммуниста.

Боль утраты Наташа выразила в пронзительных строчках стихотворной эпитафии ушедшему товарищу: «Ближе брата, первым из семерых, // самый младший — туда, где возврата нету. // Сладкой жизни слаще ли был семерик, // чем кайло и лопата по мёрзлomu снегу. // Так — уснуть и проснуться подальше земли, // за запреткою, над КПП и брусчаткой... // За колючими звёздами нас отмоли, // удели нам скорая помощи братской».

...В один прекрасный день я получил e-mail из Парижа. Распечатал четыре страницы письма Горбаневской — и был поражён. Письмо содержало детальный, почти постраничный анализ моей будущей книги, деликатные и точные рекомендации. И предложение приехать в Париж, дабы дополнить содержание беседами с вдовой Вадима, знавшими его людьми. Наташа оказалась совершенно права, в чём я очень скоро убедился. Поначалу изрядно растерялся: как это — приехать в Париж? Дальше Таллинна на запад я ещё не забирался. Впрочем, все проблемы решились: было прислано приглашение на бланке редакции, и в посольстве Франции не возникло ни малейших затруднений с визой... Наташа попросила Ирину Делоне встретить меня в аэропорту и куда-нибудь на короткое время пристроить.

Так и вышло, а через два дня —

были выходные — я пришёл в редакцию газеты на улицу Фобур де Сент-Оноре. «Маленькая ростом, в каких-то измерениях навсегда оставшаяся девочкой, в течение жизни она выросла в человека огромного масштаба, сохранив радостную детскость до смертного часа. Она была в юности категорична и нетерпима, в старости — мягка и сострадательна», — такой запомнила Наташу близко знавшая её Людмила Улицкая (читайте её книгу «Поэт-ка»). Такой увидел её и я, не осознав ещё, впрочем, что за человек передо мною. Без лишних слов она организовала выплату мне аванса (вполне приличного!) за будущую публикацию в газете фрагментов книги и ещё договорилась с одной из сотрудниц газеты, чтобы неделю я обретался в её квартире в недалеком пригороде Парижа, что существенно сберегло мой тощий кошелёк. Вроде бы мелочи; по-настоящему меру признательности Наташе я осознал, когда книга вышла в издательстве «Аграф»... И это было так в её духе — помогать, незаметно и негромко творить добро. «В 1978 году, — писал поэт Дмитрий Бобышев, один из четырёх «ахматовских сирот», — посылая рукопись «Зияний» в Париж, я с надеждой вывел на титульном листе: «Димитрий Мещеряков»... В следующем году она вышла как первая книга Димитрия Бобышева. Наталья Горбаневская, набиравшая книгу, так объяснила издательское своеволие: «Бобышев — это имя, а Мещеряков — никто». Она имела в виду мою некоторую известность в

литературных кругах, а также коммерческие планы ИМКА-пресс, этот факт учитывающие...» И сколько ещё рукописей, ставших статьями и книгами, прошло через её руки, отшлифовалось её взыскательным вкусом! Некоторое представление о её неустанных трудах даёт вышедшая в 2012 году в издательстве «Русский Гулливер» книга «Прозой о поэзии и поэтах». Состав её — эссе, рецензии, интервью Натальи Горбаневской, опубликованные в журнале «Континент», газете «Русская мысль», других изданиях. Открывается том воспоминаниями об Анне Ахматовой, с которой Горбаневская познакомилась весной 1962 г. в Москве, в доме Ардовых на «легендарной Ордынке»: «Позвонила, испытывая неловкость: “Хочу прийти, почитать стихи”. Она говорит: “Приходите”.

Весной 1962-го г. я успела написать несколько стихотворений, включая два моих, условно говоря, “классических” — “Как андерсовской армии солдат...” и “Концерт для оркестра”. И Анне Андреевне они очень понравились...» Так начались и продолжались до января 66-го года встречи и общение с великим поэтом. «Она действительно меня любила, это я могу сказать. Я же, когда её видела, — будто каждый раз орден получала, и — ни за что, незаслуженный. Но самое главное было даже не это. Самое главное — что я с ней начала становиться человеком...» Вот два четверостишия из понравившегося Ахматовой стихотворения: «Как андерсовской армии солдат, // Как андерсеновский солдатик, // Я не при деле. Я стихослагатель, // Печально не умеющий солгать. // О, в битву я

не ради орденов, // Не ординарцем
и не командиром — // Разведчиком
в болоте комарином, // Что на трясу-
чей тропке одиноко...»

И ещё, из написанного годом
позже: «Я в лампу долю кероси-
на. // Земля моя, как ты красива, //
В мерцающих высях вися, // Пле-
томая мною корзина, // В корзине
вселенная вся. // Земля моя, как ты
красива, // Как та, что стоит у зали-
ва, // Отдавшая прутья свои, // Почти
что безумная ива // Из тысячелет-
ней любви. // Земля моя, свет мой и
сила, // Судьба моя, как ты красива,
// Звезда моя, как ты темна, // Ту-
манное имя, Россия, // Твоё я носить
рождена».

Существенное место в книге
занимают публикации об Иосифе
Бродском. В рассуждениях Горба-
невской о поэзии Бродского и о нём
самом поражает искреннее беско-
рыстное восхищение; не так часто
поэт говорит о своём знаменитом
собрате без тени зависти или ревно-
сти. Наташа вспоминала, что осенью
1960-го Бродский приехал в Москву,
позвонил ей, представился. Гуляли
по дождливым улицам, разговари-
вали о стихах, о поэтах. Потом встре-
чались в Питере, куда приезжала на
сессию учившаяся заочно Наташа.
«Окончательно эта четвёрка поэтов
(Бродский, Рейн, Бобышев и Най-
ман. — Ю. К.) вполне признала меня
только вслед за Ахматовой — кроме
Бобышева, «друга с первой минуты»,
а Найман и потом ещё долго коле-
бался...» В памяти Дмитрия Бобы-
шева история знакомства с Горба-
невской сохранилась так: «Молодой

приятель (Бродский. — Ю. К.) сделал
мне подарок: прислал с дневным
поездом девицу. Небольшого ро-
сточка, русо-рыжеватую, как он, но
кудрявую и с ещё более крутой кар-
тавинкой, чем у него...Я увёл девицу
от недовольных домочадцев, мы с
ней, наконец, разговорились и стали
друзьями, крепко и хорошо, на всю
жизнь. То была Наталья Горбанев-
ская... Начав читать стихи, она стала
существовать для меня как сильная
и упорная поэтесса».

Дмитрий Бобышев, давно живу-
щий в Соединённых Штатах, очень
пристрастно, если не сказать резко,
описал историю дружбы-вражды с
ровесниками-поэтами; Горбанев-
ской же достались и тёплые слова,
и глубокие суждения о её поэтике.
Многое в книге Бобышева «Я здесь»
(Москва, «Вагриус», 2003) — пре-
жде всего, полагаю, высказывания в
адрес Бродского — вызвало реше-
тельное неприятие Горбаневской,
дружившей с ним с юности и до
кончины нобелевского лауреата.
«Уже тогда для меня он (Бродский. —
Ю.К.) стал первым поэтом среди
нас, а после смерти Ахматовой — и
просто первым. Сейчас у меня такое
ощущение потерянности, как быва-
ет, когда умер старший в роде», —
отозвалась Наташа на смерть поэ-
та. Горбаневская с ликованием вос-
приняла весть о присуждении выс-
шей литературной награды Иосифу
Бродскому. «Я так рада, так счастли-
ва, что не нахожу слов передать эту
радость...Рада за всю славянскую по-
эзию, которая в течение всего вось-
ми последних лет дала миру трёх

лауреатов Нобелевской премии — Чеслава Милоша, Ярослава Сейферта и вот теперь — Иосифа Бродского...» Кстати, сборник «Мой Милош», плод тридцатилетней работы Натальи Горбаневской над текстами великого польского поэта, вышел в московском «Новом издательстве» в 2012 г. 17 февраля в одной из столичных библиотек состоялась презентация книги; Наташа подарила мне экземпляр с дружески-лаконичной надписью. Она не просто дружила с польским коллегой, встречалась с ним на вечерах Милоша, — однажды взялась за переводы его сочинений. «Я долго не решалась переводить Милоша: тот же «Поэтический трактат», на который я страшно завелась ещё в Москве, казался мне непереводаемым. После Нобелевской премии Владимир Максимов потребовал от меня стихов Милоша — я перевела «Особую тетрадь: Звезду Полюнь» (да ещё несколько стихотворений) и уверовала в собственные силы». «И тогда я влюбилась в чужие стихи, // Шелестящие так, что иные кривились: «Шипенье...» // И оттуда, наверное, многие проистекли // Для меня и несчастья, и счастья. Теперь я // Пристяжной переводчик, профессионал, // По ночам шелестящий страницами Даля, // Поверяющий щебет по русским забытым словам // И бормочущий вслух, как над книгой гадалкой. // Но спасибо за то, хоть не знаю, кому, // Не себе и не Богу, не случаю и не ошибке, // Что шепча в законную парижскую тьму, // Я робею по-прежнему, прежде чем выстукать // перевод на машинке.

// Не себе и не Богу, не случаю и не призванью — // Языку, что любовному поверил признанью». Эти строки Наташа написала в 1980-м, в год присуждения Милошу Нобелевской премии. Вообще, в Польше, гражданкой которой Горбаневская стала в 2005 г., у неё было много друзей — поэтов, переводчиков, читателей. А ещё она переводила с чешского, словацкого, французского...

В последние годы Наташа часто приезжала в Москву, навещала в Питер, выступала на литературных вечерах, встречалась с друзьями, участвовала в съёмках документальных фильмов «5 минут свободы» и «Я не героиня» Ксении и Кирилла Сахарновых. Она была, что называется, нарасхват. Если прежде её сборники стихов расходились в Русском зарубежье, выпущенные издательствами Руссика, ИМКА-пресс, Ардис и другими, то с начала 90-х отечественные издатели регулярно знакомили публику с творчеством поэтессы. Кстати, именно Ардис Карла Проффера в 1973 г. готовил к изданию томик стихов Горбаневской «Побережье»; корректором выступил... Бродский. «Несмотря на все опечатки, я была необычайно тронута...Честь великая, а хорошим корректором Иосиф Бродский быть не обязан». На неё сыпались награды. В 2008 г. Горбаневская удостоена диплома почётного доктора Люблинского университета имени Марии Кюри-Склодовской. Три года спустя она становится лауреатом международного литературного конкурса «Русская премия» в номинации «По-

эзия». В 2013 г. ей вручают почётную медаль Карлова университета в Праге, почётным гражданином которой она стала в августе 1990-го.

...В ноябре 2013 Наташа попросила меня позвонить в одну из столичных библиотек, уточнить, состоится ли запланированная ранее встреча с читателями, — на днях она собиралась в Москву. Я позвонил, выяснил, что по каким-то техническим причинам вечер отменён, о чём и написал по электронной почте в Париж. Наташа откликнулась: «Ну и ладно...» А на следующий день оглушила весть: Наташа скончалась. Она умерла во сне.

«Те, кто знал Наташу только по её стихам, — опять цитирую Людмилу Улицкую, — кто любил её по-

эзию, понимают, что в её творчестве — она не любила этого слова, но смерть меняет лексику, и теперь писание стихов в дребезжащем московском трамвае или в парижском автобусе можно, не смущаясь, называть словом «творчество» — лирика была слита с мотивом гражданственности, а любовь, которой она была одарена, распространялась не только на любимых ею людей, но охватывала весь мир — средоточием этого мира был русский язык, Россия». Её похоронили в Париже, на кладбище Пер-Лашез. А несколько дней спустя служили панихиду в храме Косьмы и Дамиана, что в Столешниковом переулке; на заочное отпевание пришли московские друзья Наташи. И я среди них.